

Сергей ЯШИН:

Рос. газ. — 1995. — 22 марта. — с. 7.

Я НЕ СПРИНТЕР, Я — СТАЙЕР

МОСКОВСКИЙ ТЕАТР ИМЕНИ ГОГОЛЯ
ПОКОРИЛ АМЕРИКУ

Московский орден Трудового Красного Знамени драматический театр имени Н. В. Гоголя поставил одну из лучших пьес американского драматурга Юджина О'Нила «Долгий день уходит в ночь» в переводе Виталия Вульфа. Это вторая режиссерская редакция пьесы, впервые поставленной на русской сцене режиссером Сергеем Яшиным на сцене Академического Малого театра.

Летом прошлого года, еще до премьеры в Москве, театр показал спектакль на международном театральном фестивале «Юджин О'Нил на подмостках мира» в Сан-Франциско. Театроведы, знатоки и ценители творчества американского драматурга, элитарная публика и простые зрители с огромным интересом встретили яшинскую трактовку знаменитой пьесы.

В роли Джеймса Тайрона выступил народный артист СССР Владимир Самойлов, его игра потрясла американцев. Издатель О'Нила Трайверс Богард сказал о Владимире Яковлевиче: «Я никогда не видел ничего подобного. Такой артист мог бы стать в Америке миллионером».

Но, пожалуй, главный успех по праву выпал на долю постановщика спектакля Сергея Яшина.

— Сергей Иванович, прежде всего разрешите поздравить вас и коллектив театра с премьерой и заслуженным, на мой взгляд, успехом. За последние семь лет вы вторично обращаетесь к пьесе Юджина О'Нила. Чем она вас привлекает?

— Пьеса Юджина О'Нила — это замечательный в художественном отношении срез жизни семьи Тайронов. Прошел один день, а уместилась в нем целая жизнь. Через взаимоотношения членов семьи показаны их надежды, любовь и тот рок, который висит над ними, те виновно-

сти, которые были совершены каждым друг перед другом. Их поступки замечательно мотивированы, они складывались не по злому умыслу. Так распорядилась судьба.

— Сложность постановки, вероятно, состояла еще и в том, что Юджин О'Нил написал в общем-то автобиографическую пьесу?

— Конечно. Знание биографии драматурга, трагической истории его семьи, безусловно, накладывало свой отпечаток на прочтение пьесы.

— В спектакле остро звучит социальный мотив. Много из того, что происходит на сцене, весьма созвучно нашему времени. Вы специально к этому стремились?

— Юджин О'Нил — классик современной драматургии, а классика, как известно, всегда звучит современно. Разве те переломные процессы, которые происходят в нашей жизни, не переживаются сейчас большинством как некая катастрофа жизни, идеалов, судеб? Когда сегодня мы учимся считать каждую копейку, нам становится ближе и понятнее рассказ Джеймса Тайрона о том, как он экономил каждый цент, чтобы построить благополучие семьи.

— Ваш шумный успех в театре Маяковского почти два десятка лет назад связан был тоже с американской драматургией.

— Мне безразлично, где люди живут, в Америке или в какой другой стране. Мы ведь ставим спектакль про себя. Ставим, исходя из своего опыта. Мы про их жизнь ничего не знаем. А вот про себя я полагаю, что-то все-таки знаю. Потому что тоже являюсь и сыном и отцом. И у меня на дню бывает тысяча сто пятьдесят неразрешимых конфликтов. Но, главное, эти конфликты не надуманы, они — жизненны.

— Я правильно вас понял, Сергей Иванович, откровен-

ной драматургии не хватает жизненной правды?

— У нас был достаточно долгий период, когда наша духовная и художественная жизнь обогащалась замечательными повестями и пьесами о Великой Отечественной войне. Почему так случилось? Да потому, что там конфликт был невыдуманный. Были замечательные пьесы Розова, Арбузова, Володина, других авторов. А уж коль вы заговорили о моем первом успехе (вообще-то громко сказано), то он, мне кажется, был связан как раз с произведениями отечественного автора — Василия Макаровича Шукшина.

— Честно говоря, не помню. Я учился у замечательного педагога Андрея Александровича Гончарова в первой актерско-режиссерской мастерской в ГИТИСе. Курс знаменит тем, что из нашей мастерской вышли три замечательных артиста — Игорь Костоловский, Александр Фатюшин и Александр Соловьев. А еще курс стал известен тем, что мы впервые поставили на сцене три рассказа Шукшина. Между прочим, в каждом я сыграл какую-то роль. А один рассказ был в моей режиссуре. Из этого калейдоскопа возник спектакль «Характеры». Его видел Василий Макарович, был очень тронут. Спектакль имел большую прессу.

Так что вопрос тут не в национальной или географической принадлежности автора, скорее, в качестве драматургического материала. — Сергей Иванович, ни для кого не секрет, что еще несколько лет назад театр имени Гоголя был, скажем так, на периферии московской театральной жизни. Вы — режиссер с именем, ставили в ведущих столичных театрах, и вдруг — главный режиссер театра имени Гоголя. Как это случилось?

— Однажды мне позвонил друг и однокашник Володя Боголепов и неожиданно вдруг говорит: «Ведущие артисты театра имени Гоголя просят, чтобы я пригласил тебя на главного режиссера. Как ты смотришь на это?». «Володенька, — говорю ему. — В театр Гоголя? Да ни под каким видом». Он отвечает: «Подумай!». На том и расстались. А через какое-то время у меня была встреча с Товстоноговым (я в то время в Ленинграде по делам оказался). Выпало мне счастье общаться с этим замечательным человеком. Мы говорили с ним обо всем: о жизни, о театре, о режиссуре. Георгий Александрович был очень одинокий человек, уже очень больной. Но всегда интересовался, как дела, что нового. Я ему и говорю, вот, мол, предложение поступило возглавить театр имени Гоголя, а я ни в какую, отказался. А он: «Я бы не отказывался. Театр в упадке, и что бы вы ни сделали в этом театре, все равно будет лучше, чем было». В общем, когда Володя снова позвонил мне, я сказал: «Если театр единодушно или во всяком случае большинство позове-

я, пожалуй, приду». — Как у вас складывались отношения с коллективом?

— По-разному. Но в целом, мне кажется, мы очень хорошо понимаем друг друга. А если тебя понимают, это — счастье. Так, кажется, говорил герой одного замечательного фильма?

— Мы говорим: театр, театр. А что такое — театр?

— Авторы и актерский ансамбль. Если это есть, значит, есть и театр.

— Сейчас вы ставите в театре «Современник» пьесу Шекспира «Виндзорские проказницы». Чем объяснить такой выбор?

— Меня пригласили на постановку. Шекспира я еще никогда не ставил, интересно. Мне захотелось через комедию попробовать рассказать, как в наше трудное, подчас безрадостное время необходимы люди, которые возвращают нам ощущение жизни. Которые через забаву, хохму, интригу пробуют нас расшевелить, заставить увидеть, что солнце-то всходит. Что любить — это прекрасно. Что мир именно такой, каким мы его делаем. Мне показалось интересным рассказать про Фальстафа — поэта, мистификатора. Он сам устраивает всякие дела и сам же в них попадает. Это не история прелюбодеев, которого наказали какие-то там тетки. Мне это не интересно. Мне интересен Фальстаф — странствующий рыцарь веселья, жизнерадостности, веры в светлое в жизни.

— Как идут репетиции?

— Сложно. Во-первых, Шекспир, трудный жанр. Трудно еще и потому, что «Современник» воспитан на бытовых реалиях, на бытовой жизни. Поэтому возникает много условностей. Но все эти сложности творческие, мне, во всяком случае, интересные. Впрочем, мне никогда и ничто не удавалось быстро. Вся моя жизнь и судьба складывались не спеша, как бы по порядку. Я не спринтер, я, скорее, стайер. И я благодарен судьбе, что она наградила меня возможностью чувствовать жизнь, переживать ее перипетии, общаться с людьми.

Анатолий ВЫСТОРОВЕЦ.